

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8

EDN: JGZXEW

Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления межрегиональных неравенств в Италии и России

Ссылка для цитирования: Коломиец В. К. Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления межрегиональных неравенств в Италии и России // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 135–155. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8; EDN: JGZXEW.

For citation: Kolomiecz V. K. The North-South problem: on the possibilities of comparing interregional inequalities in Italy and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 135–155. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8; EDN: JGZXEW.

Коломиец Вячеслав Константинович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

v_kolomiecz@mail.ru

SPIN-код: 3676-1980

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможностях и научных перспективах компаративных исследований межрегиональных различий и неравенств в России и Италии. Эти страны, находящиеся на значительном удалении, принадлежащие к разным географическим зонам, культурным средам и цивилизационным ареалам, заметно различаются по своему мировому статусу. Несмотря на самоочевидность этих страновых различий, они вот уже длительное время воспринимаются и в российской, и в итальянской исследовательской традиции как страны, подлежащие сопоставлению. Они выступают друг для друга – и в немалой степени по причине тех же самых различий – в качестве концептуального ресурса, элемента внешней среды и внешнего окружения, источника и фактора развития. Эта их сопоставимость имеет свое региональное измерение. Она распространяется на область исследований межрегиональных неравенств и противоречий, рассматривающих диалектику «центр – регионы» и образующих в плане методологии исследования особое компаративистское направление. Настоящее исследование представляет собой экскурс в область историко-социологической и политической регионалистики. Автор оценивает достижения и результаты, полученные отечественными и итальянскими авторами, а также перспективы научных разработок в данной области. Межрегиональные неравенства, неизбежные для Италии, оказавшейся в числе стран, «пришедших вторыми», имея в виду их относительно позднее приобщение к техногенной цивилизации, обрели смысл и значение общенациональной проблемы. Почти с момента возникновения единой итальянской государственности она известна как южный вопрос. Дихотомия «Север – Юг» в Италии

является воплощением региональных различий, диспропорций, противоречий. Она отразила в себе коллизию между унификацией традиционалистских общественных укладов и потребностью в сохранении их разнообразия. Эта дихотомия примечательным образом словно бы предвосхитила одноименную формулу новейшего времени, которой обозначаются деление и раскол современного глобального мира на богатые северные и бедные южные страны. В концептуальных схемах вариативности, то есть, с одной стороны, единства и сходства, а с другой – различий между Россией и Италией, в том числе и в области компаративной регионалистики, долгое время преобладали контрастные сравнения, которым более или менее правомерно приписывался константный характер. Эта устоявшаяся картина вариативности претерпела существенные видоизменения в процессе эрозии политических субкультур как левого, так и правого толка, секуляризации и рационализации общественного сознания. Автор приходит к выводу, что на примере Италии можно видеть, как архаические социальные практики могут сочетаться с современными технологиями, и это может породить весьма причудливые социальные коллизии.

Ключевые слова: Россия, Италия, компаративная регионалистика, региональные неравенства, унификация, разнообразие, контрастные сравнения, вариативность, константные неравенства

Неравенства межрегиональные и внутрирегиональные

Изначально для Италии, исследуемой на предмет сопоставимости ее неравенств с аналогичными или, во всяком случае, более или менее сходными неравенствами в России, были характерны замедленные темпы процессов модернизации общества. Это выразилось (здесь уже в полном отличии от России) в позднем достижении национально-государственного единства в его классической европейской форме национального государства. Оно окончательно сложилось лишь в последней трети XIX в. в результате форсированного насильственного соединения территорий, существенно разнившихся по уровню их социально-экономического и политического развития. Как то, впрочем, неизбежно случалось в процессе формирования более или менее крупных государственных образований в той же Западной Европе [9, с. 33–34]. Многоукладность номинально единого нового государства, построенного на началах жесткой централизации, постоянно воспроизводила остроту социальных конфликтов между старым и новым, передовым и отсталым, в том числе и в особенности на региональном уровне [9, с. 29–45; 22, с. 13–21; 40]. Самые радикальные способы выхода из состояния этой конфликтности предлагались силами, располагавшимися на левом фланге политической системы. Благодаря чему им удавалось завоевывать весомые позиции в итальянском обществе. В их доктринальных установках, как и в повседневной практике социальной борьбы и социального давления, неизменно присутствовали самые радикальные требования социальной справедливости и социального равенства. Все проявления социального неравенства, на которые итальянская социальная реальность обнаруживала большую щедрость, в оппозиционно настроен-

ной части общества, в его контрэлите уверенно воспринимались с крайней непримиримостью. Они рассматривались как некая аномалия, подлежащая решительному и полному искоренению, что усугубляло накал социальной напряженности [9].

В таком средоточии неравенств неравенства региональные, прежде всего межрегиональные, неизбежные для Италии, оказавшейся в числе стран, «пришедших вторыми» (Second Comers) [9, с. 32], как и внутрирегиональные, обретали смысл и значение общенациональной проблемы. С момента возникновения единой итальянской национальной государственности она стала известна как «южный вопрос» [10; 12, с. 23–34]. Сюда же примешивался вопрос более общего порядка – об отношениях центра и регионов, о разделении властных полномочий между ними, о централизации и децентрализации управления [10; 32]. А его решение в каждом случае, в различные периоды истории страны связывалось с необходимостью преодоления межрегиональных неравенств. Понятие регионов в Италии и, соответственно, региональной проблематики отождествляется, таким образом, по большей части с южными областями страны. Таковые образуют некий единый конгломерат, хотя и имеющий множество признаков внутренней неоднородности [4, с. 565–581]. Дифференциация страны по ее регионам, как, впрочем, и в соседней Франции, шла по линии «Север – Юг». Иными словами, – по критерию скорее географическому, чем какому-либо иному. Разумеется, границы этих территориальных конгломератов на протяжении столь длительного исторического периода времени обнаруживали свою подвижность в ту или иную сторону. Так что ось, выстроенная по географическому признаку, выступала скорее всего в роли некоего общего знаменателя. Дихотомия «Север – Юг» стала для Италии живым воплощением региональных различий, диспропорций, полярностей и неравенств, а в более общем плане – коллизий между техногенной и традиционалистской цивилизациями. Эта дихотомия примечательным образом словно бы предвосхитила одноименную формулу новейшего времени. Ею, как известно, обозначаются эмпирическое деление и раскол современного глобального мира на богатые северные и бедные южные страны [29; 30; 34; 36].

Методология исследования

Из совокупности методов, разработанных современной методологией обществознания, сравнительный метод представляется в данном случае наиболее продуктивным. Он и будет применен в процессе сопоставления России и Италии. При всех своих многообещающих свойствах и эвристических возможностях этот метод содержит в себе тем не менее неизбежные риски недостоверности знания, получаемого его посредством. Целостная картина вариативности, то есть единства общих и особенных черт обеих стран при ее воспроизведении чаще всего грешит некоторой односторонностью. Она наделяет особенное, как правило и в первую очередь, признаками приоритетности. Действительно, применение сравнительного метода в пер-

вом приближении, каковое обычно сводится к выявлению аналогий между рассматриваемыми объектами, убеждает скорее в обратном. То есть, скорее всего, в отсутствии этих сколько-нибудь видимых и значимых аналогий.

Более того, такое сравнение выглядит сплошь и рядом весьма произвольным и даже в чем-то непозволительным. Поскольку Россия и Италия – это территории отнюдь не лимитрофные. Что уже заведомо ставит под сомнение наличие сколько-нибудь значимых признаков общности, единства, схожести и аналогий между ними. Это страны, разведенные на значительное географическое расстояние, принадлежащие к разным культурным средам и цивилизационным ареалам, заметно различающиеся по своему мировому статусу. Поэтому естественным образом в общей картине сравнений традиционно преобладают именно контрастные сравнения. Они и призваны акцентировать особенные черты каждой страны. Однако, как бы ни были контрастны, разительны и самоочевидны эти страновые различия, Россия и Италия вот уже длительное время воспринимаются и в отечественной, и в итальянской исследовательской традиции как страны, сопоставимость которых между собой возможна и допустима. Они выступают друг для друга – и в немалой степени по причине именно тех же самых различий – в качестве концептуального ресурса, элемента внешней среды и внешнего окружения, источника и фактора развития [30; 34]. Эта сопоставимость имеет еще и свое региональное измерение. Она распространяется на область исследования региональных неравенств и полярностей, рассматривающих диалектику «центр – регионы» и образующих особое компаративистское направление [9; 10; 12].

Константные неравенства

Исходным фактором константного неравенства, по сей день непреодоленного и, как можно справедливо предположить, непреодолимого, остается унаследованная от давнего прошлого, обособленность и разобщенность территорий, составляющих ныне единое итальянское государство. Прежде всего это касается крупных территориальных конгломератов – Севера и Юга. Эта константность принадлежит к разряду исторических явлений, имеющих длительную временную протяженность. Во всяком случае, именно так ее определяет широко известная научная традиция школы «Анналов», на которую в подобных случаях принято ссылаться. Действительно, большие и малые территории Италии разделены границами, которые современная политическая география рассматривает как исторические, фантомные, реликтовые, ментальные [13; 14]. Некогда, до объединения страны они имели иной юридический статус – полноценных государственных границ. Последние, будучи давно упразднены, тем не менее, несмотря на всю свою сегодняшнюю вроде бы призрачность, обладают мерой собственной незыблемости. Соответственно, регионы – малые административно-территориальные образования, внутри которых они располагаются, – имеют свои собственные уклады и некий иммунитет, защи-

щающий их от вмешательства центральной власти. Это стало следствием компромиссного характера тех оснований, на которых вот уже более полутора веков покоится единая итальянская государственность, каким бы ни было ее устройство в тот или иной исторический период. Многоуровневая структура этих компромиссов – между северными и южными региональными элитами, между элитами и контрэлитами – всякий раз предполагала сохранение и даже консервацию реликтовых форм социальности, идеологическая сущность которых вменяла обществу идею социального неравенства как непреложную и неоспоримую норму. Что в свою очередь неизбежно предопределяло шаткость и неустойчивость каждого очередного компромисса. Действие его обычно исчерпывалось на протяжении относительно небольшого, по историческим меркам, отрезка времени. Таковы: либеральное шестидесятилетие от объединения страны до начала 1920-х гг.; фашистское двадцатилетие, включающее почти весь межвоенный период и вторую мировую войну; затем немногим менее чем полувековой период Первой республики – 1946–1994 гг. Выстраивание каждого нового компромисса уже не могло столь безапелляционно, как прежде, сохранять в неприкосновенности статус-кво отсталых регионов со всеми присущими им социальными неравенствами. А главное, система компромиссов, несмотря на всю ее отлаженность, совершенство и изощренность, не могла нейтрализовать, а тем более устранить общественный запрос на преодоление социальных неравенств, причем в особенности тех наиболее вопиющих, каковыми они были на региональном уровне. Из-за наличия коррупционной составляющей в системе компромиссов этот запрос приобретал особую силу, вследствие чего самые радикальные проекты переустройства общества на началах социального равенства завоевывали массовую поддержку.

Это предопределяло, причем на длительную историческую перспективу, сильное влияние левой политической субкультуры. В ареале ее влияния возникали наиболее значимые альтернативные сценарии, проекты и варианты общественного развития. Своим адептам они сулили самые сколь радикальные, столь и утопично-несбыточные способы необратимого искоренения любых социальных неравенств. И в этом левые сполна использовали преимущества своей оппозиционности. Иначе говоря, практической невозможности или, в лучшем случае, весьма ограниченного приобщения к власти, относительно скромного влияния на принятие властных решений и ответственности за них. Это противостояние великих политических религий XIX и, в особенности, XX в.; политических субкультур левого и правого толка, основанных на них, имело своим последствием смягчение социальных неравенств и межрегиональных в их числе.

С течением времени достижение каждого нового компромисса было отмечено менее острой конфликтностью между властью и оппозицией и, соответственно, противоборством враждующих политических субкультур. К середине 1970-х гг. (времени итальянского «политического чуда») – беспрецедентных успехов левой оппозиции – диалектика коммунизма и антикоммунизма, антифашизма и фашизма уже не отличалась былой остротой. Запущенные в полную силу процессы деидеологизации,

секуляризации и рационализации общественного сознания велик к взаимопроникновению политических субкультур, к размыванию границ между ними [25, с. 129]. Это ощутимым и пагубным образом сказалось прежде всего на левой политической субкультуре. Для последней исторический пример реального социализма, традиционно для нее притягательный и существенно ее подпитывавший, утрачивал признаки своей эталонности. Как следствие, он опровергал прежнюю веру в вероятность его воспроизведения, пусть хотя бы в некоторых его элементах и в отдаленной перспективе, в стране западного мира, каковой является Италия. Эрозия традиционных политических субкультур как левого, так и правого толка обернулась к началу 1990-х гг. крахом всех исторических партий и перестройкой партийно-политической системы.

То финалистски-прогрессистское видение исторического процесса, предполагавшее его завершение формированием некоего идеального общественного устройства на началах социального равенства, в значительной мере себя исчерпало [8, с. 49–62]. Но, как бы то ни было, оно не прошло бесследно и свою великую историческую роль сыграло. В результате нескольких волн модернизации архаично-реликтовые формы социальности, особенно на региональном уровне, были изрядно потеснены. Однако они сумели выжить и адаптироваться к новым условиям, сохранив свой константный характер. Обвальная девальвация ценностей левой политической субкультуры, прежде всего идеи социального равенства, сколь утопичной она порой ни казалась, фактически перевела в разряд неоспоримой нормы принцип социального неравенства. Это, в свою очередь, вызвало усугубление константных неравенств, в том числе и межрегиональных между Севером и Югом [29; 30; 31; 39; 40; 41].

Открытие российской социальной мыслью подобного рода явлений, резко дифференцирующих социальное пространство и весьма характерных для Италии, состоялось много раньше и пришлось на начало XX в. Оно, по-видимому, впервые было сделано идеологами партии эсеров. Для них межрегиональные неравенства и конфликты, столь разительные на фоне итальянской действительности, выглядели более чем сопоставимыми с одноименными явлениями, характерными и для России предреволюционной поры [37, с. 75–77]. Мировой революционный кризис начала XX в., пусть на короткое время, но словно бы подтвердил убедительность этих аналогий между Россией и Италией. Казалось, что они исчерпывали картину вариативности сравнений между двумя странами. Идея союза обездоленных классов – пролетариата Севера и крестьянства Юга, выдвинутая коммунистической партией Италии, – должна была воспроизвести на итальянской почве успешный опыт русской революции, совершенной на основе того же классового союза. Однако течение революционного кризиса, который должен был вылиться, распространившись на ту же Италию, в мировую революцию, пошло, вопреки ожиданиям, в нисходящем направлении. С этого момента пути исторического развития России и Италии разошлись кардинальным образом. В построении концептуальных схем вариативности на передний план вышли именно контрастные сравнения.

Столь же контрастными по своим внешним признакам выглядели эти, пусть неявные, но все же сравнения двух стран, в исследованиях «южного вопроса» в Италии и связанных с ним региональных неравенств, предпринятые отечественными авторами. Это произошло уже гораздо позже, начиная со времен оттепели 1960-х гг. Концептуальные построения, основанные на контрастности сравнений, вроде бы отвечали всем идеологическим нормам своего времени. Они делали существенный акцент на феномене отсталости Италии, не устраненной в ходе общественных преобразований и предполагалось, что она неустранима в принципе на пути капиталистического развития. Причем, согласно распространенному предубеждению, даже в зоне развитого западноевропейского капитализма. Настойчивое акцентирование наличия реликтовых форм социальности должно было оттенить и утвердить преимущества реального социализма. Этот общественный строй якобы по определению исключал вероятность возникновения в «реально-социалистическом» мире чего-либо подобного явлениям итальянской отсталости.

При таком сопоставлении образ капиталистического мира оказывался заведомо скомпрометированным, причем особенно в лице такой страны, как Италия. Ее история показательным образом была переполнена и насыщена примерами крайних проявлений социального зла. А именно, от фашистской тоталитарной диктатуры до самых зловещих форм скрытой и потаенной, а от этого совершенно бесконтрольной и крайне авторитарной власти, по сути, альтернативной государственной (мафия, ндрангета, козаностра и др. криминальные сообщества). Причем эти альтернативные формы и способы реализации власти действовали в западноевропейской стране с самой демократической конституцией. Даже информационная политика советского времени при всем неприятии и отторжении западных демократических ценностей отмечала ее как своего рода «икону стиля». То есть как самую передовую и едва ли не эталонную, благодаря чему левая политическая субкультура имела прочные позиции в жизни общества.

Размышления отечественных исследователей об итальянской отсталости не ограничивались между тем одной лишь Италией. Та являла собой наглядный и хрестоматийный пример региональных неравенств, столь характерных для ареала традиционалистской цивилизации, в особенности в южной части Зап. Европы. Их смысл, до поры до времени выраженный лишь в неявной, скрытой и иносказательной форме эзоповым языком науки, был гораздо шире. Он распространялся, как подразумевалось авторами этих исследований, также на советскую социальную реальность. То был повод и способ осмыслить, хотя бы в самом первом приближении, феномен отсталости их собственной страны. При таком нетривиальном подходе сравнения России (на тот момент – Советского Союза) и Италии заведомо утрачивали привычные признаки контрастности. А это никоим образом не соотнобразывалось с идеологическими императивами времен холодной войны, утверждавшими непримиримое противостояние и противоположность двух мировых общественных систем – социализма и капитализма [5; 17; 18]. Сомнительность этих сравнений, явно поблекших в своей

контрастности, казалась еще более убедительной в свете исторического опыта социализма. В действительности, он по праву обрел смысл синонима передового развития, весьма успешного по части преодоления отсталости. Социалистическая модернизация постреволюционной России стала впечатляющим примером невиданного социального роста. Этот исторический пример оказался притягателен далеко за ее пределами. Он был мифологизирован не только в самой советской стране, но и на том же Западе, особенно в кругах западноевропейских левых.

Апология достижений и завоеваний социализма пронизывала культуру советского общества. Такое ее апологетическое видение причудливо сочеталось с дискриминацией громадного пласта отечественной истории, который буквально третировался как период отсталости, отживших форм социальности. По факту он рассматривался как источник потенциальной опасности реставрации прошлого. Целью этих инвектив, возникавших в разное время и с разной степенью интенсивности, были явления отсталости, социальных, в том числе и региональных неравенств. В условиях форсированного и весьма результативного технического и социального развития страны официальная пропагандистская риторика склонна была трактовать их как «пережитки прошлого». То есть как нечто маргинальное, преходящее и неотвратно подлежащее скорому искоренению. За этой риторикой, однако, скрывался куда более реалистичный и прагматичный взгляд. По сути дела, он исходил из фактического признания феномена отсталости как общенациональной проблемы даже во времена «полной и окончательной победы социализма». Об этом свидетельствовали сколь широковещательные, столь и утопичные, лозунги догоняющего и опережающего развития, стирания различий между городом и деревней. Они в который уже раз были призваны бросить очередной вызов развитому капиталистическому миру.

Привычная контрастность сравнений между российской и итальянской социальной реальностью, продиктованная идеологическими императивами холодной войны, существенно теряла в своей убедительности еще по одной причине. Бреши в информационной блокаде советского общества, пробитые политикой разрядки международной напряженности начала 1970-х гг., позволяли по-иному и куда более адекватно оценить качество итальянской отсталости. Даже профессиональные и, без сомнения, компетентные наблюдения из советской социальной реальности убеждали в том, что отсталые формы итальянской социальности обладают иным качеством. Что они не столь одиозны, как то принято было всегда считать. Что длительное сращение архаики и прогресса, их сосуществование могут быть и драйвером передового развития, вполне котирующегося и на западноевропейском уровне. Экспертное сообщество отечественных итальянистов было впечатлено зримыми результатами этого передового развития итальянского общества. Особенно на фоне трудностей реального социализма оно склонялось, причем не без сильного влияния итальянской социальной мысли, к оптимистическим взглядам на перспективы решения «Южного вопроса». То есть скорого и необратимого преодоления межрегиональных неравенств, противоречий

и полярностей. В итоге к концу 1980-х гг., известных, как эпоха Кракси (по имени лидера социалистической партии), отмеченных весьма благоприятной экономической конъюнктурой, «южный вопрос», что в Италии, что за ее пределами, воспринимался не более как историографический реликт. Согласно новым веяниям, он всецело принадлежал к XIX в., если не к куда более ранним историческим временам. Откровенно реликтовой, исчерпавшей свой эвристический потенциал, а потому все менее убедительной выглядела и та концептуальная схема, которая утверждала дуалистическое строение итальянского общества [19; 20]. Тем более что именно с передовым, а никак не с отсталым развитием могла ассоциироваться Италия. С падением железного занавеса страна стала более доступной, во всяком случае, для узкого социального слоя постсоветских людей, резко повысивших свой социальный статус, но никак не интеллектуальный уровень. На них, получивших возможность прямого и непосредственного контакта с вожденным и желанным, прежде недостижимым чужеземьем, картина западного общества потребления воздействовала буквально завораживающе. Что было, разумеется, не удивительно на фоне советского, да и постсоветского общества недопотребления. В его режиме, как известно, жили несколько поколений граждан советской и постсоветской России [37, с. 270–273].

Век оптимистических надежд на окончательное решение самой острой национальной проблемы оказался крайне недолог. Более того, он слишком быстро сменился своей прямой противоположностью. Крах партийно-политической системы Италии в первой половине 1990-х гг. вызвал к жизни и акцентировал новую разновидность межрегиональных неравенств. Они получили свое концептуальное воплощение в так называемом северном вопросе. Север, который привычным образом почитался символом передового развития, неожиданно предстал в ином качестве. Теперь его ассоциировали с – многолетней жертвой паразитирующего на нем отсталого Юга, якобы тормозящего прогрессивное движение северных регионов. Парадоксальным образом решение северного вопроса мыслилось влиятельной частью элиты нового призыва из числа основателей так называемой Второй республики методами, повергавшими в изумление своей архаичностью. Лига Севера – партия, возникшая в конце 1980-х гг. на излете Первой республики, выдвинула сепаратистский проект провозглашения северных областей Италии самостоятельным государством. Тем самым впервые после национального объединения фактически оспаривалась правомерность существования единой итальянской государственности. Этот региональный национализм, наиболее чудовищный на то время фантом общественного сознания, выглядел курьезной нелепостью. Причем особенно в начале 1990-х гг., когда громадную популярность снискала прямо противоположная мифология глобализации общественных отношений. Она должна была, по замыслу ее творцов, привести к тотальной унификации мира, торжеству либерального мироустройства и счастливому концу истории [1; 2; 3; 24; 26; 27; 36].

Подобная аргументация, видевшая корень зла в региональной политической субкультуре Юга, при всей ее экстравагантности отнюдь не была лишена оснований. Влияние отсталого Юга, властно заявлявшего

о себе в масштабе всей страны, давно уже было непреложным фактом [6, с. 206–212]. Между тем эта диалектика передового развития и системного отставания с начала 1990-х гг. приняла новые формы. Всплеск сепаратистских настроений как реакция на извечный иждивенческий паразитизм Юга имел еще и внешний источник. В Италии принято считать, и в чем-то небезосновательно, что импульсом сепаратизма и нарастания социальной напряженности послужила советская перестройка. Крах реального социализма, реформатирование партийно-политической системы с устранением из нее КПСС – ее несущей опоры, распад Советского Союза, сопровождались невиданным дотоле импульсом, приданным сепаратизму на постсоветском пространстве. Эти обстоятельства, как минимум, сняли психологический барьер, служивший прежде сдерживающим фактором региональных противоречий и центробежных эксцессов. Эти взаимозависимые явления и в Италии, и в постсоветской России существенно расширили горизонты и возможности компаративистики. Они скорректировали былую картину вариативности, в новой редакции которой контрастные сравнения были буквально сведены на нет и уступили место прежде невозвратным аналогиям [11, с. 54–84; 19; 20]. Тем более что привлечение эмпирических данных, которые составили основу для сравнительного анализа социокультурных, этнокультурных, медико-биологических и географических показателей, позволило выявить сходство в проявлениях межрегиональных неравенств и полярностей в начале XXI в. между севером и югом европейской части России, с одной стороны, и регионами Италии, северными и южными, – с другой [15; 16]. Эта дихотомия «Север – Юг» никоим образом не исчерпывала всей проблемы сравнительного исследования межрегиональных неравенств России и Италии. В самом деле, география российских неравенств являет собой более сложную картину учитывая совершенно иные географические масштабы страны [21, с. 219–233].

Как бы то ни было, но плодотворность такой компаративистики имеет свои веские основания. Действительно, итальянская социальная реальность издавна служит хрестоматийным примером региональных властных практик, институтов и организационных структур. Аналогии им можно отыскать далеко за пределами самой Италии, в том числе и в постсоветской России. В своей первооснове они были призваны компенсировать слабость центра – официальной власти, обладавшей хроническим дефицитом легитимности и твердым нежеланием поступиться монополией своего властного ресурса, а это в свою очередь создавало столь же хроническую ситуацию неуправляемости регионов. Заместить это безвластие могли неформальные сообщества, альтернативные государственной власти, ею не признанные, заведомо лишённые какого-либо официального представительства. Они были обречены на существование вне закона как ярко выраженные криминальные объединения, изначально имевшие региональное происхождение. В качестве классического и широко известного примера здесь напрашивается сицилийская мафия. Тем более что само слово, обозначающее это криминальное сообщество, стало нарицательным [23; 28; 31; 38]. Влияние подобных альтернативных систем власти распространялось на

общенациональный, а с течением времени и на транснациональный уровень. Они оказались уделом не только одной лишь Италии. Они властно заявляли о себе в самых разных странах и регионах мира с весьма несхожими уровнями общественного развития, характером политических отношений и особенностями политической культуры.

Во многих чертах аналогичная той же итальянской альтернативная система власти, выросшая из региональных и локальных криминальных сообществ, сложилась и в постсоветской России. Опыт многолетней итальянской истории, известный практиками фактического двоевластия, – сосуществования почти на равных, а то и в значительной мере с преимуществом этой альтернативной власти, формальных и неформальных властных институтов, – оказался тем источником, из которого возникла не только яркая метафора, но и весьма наглядная и вполне убедительная концептуальная схема, объясняющая новую социальную реальность постсоветской России. Наложенная на российские условия переходности от прежнего общественного строя к новому эта схема сравнения неплохо работала. Среди прочего, вследствие относительно неплохой осведомленности советских людей о феномене итальянской мафии, которая черпалась главным образом из художественного кинематографа. Разительность сходства между Италией и постсоветской Россией проступала весьма рельефно и убедительно. То было шокирующим открытием для постсоветского человека, сделанным им после прорыва информационной блокады прежних лет. Тогда познания рядового гражданина об этой стороне жизни его собственной страны были минимальны, если не вообще отсутствовали. Как и в Италии, социальный первоисточник альтернативной власти в постсоветской России имел то или иное региональное или локальное происхождение, причем, как правило, с выраженными признаками отсталости развития, будучи фактором консервации этой отсталости и усугубления константных неравенств. Как и в Италии, а то и в гораздо большей степени, альтернативная власть возымела способность выступать в роли драйвера развития. При том что вектор этого развития, официально провозглашенный, отличался противоположной направленностью. Его отличала устремленность никак не в сторону установления передовых рыночных отношений и глубокой демократизации общества, а наоборот, – создания разновидности системы авторитарной власти [9, с. 29–45].

Сдвиг вправо как фактор усугубления региональных неравенств

В Италии, вступившей в начале 1990-х гг. в период так называемой Второй республики, усугубление константных неравенств оказалось связанным с резким изменением соотношения политических сил. Классические времена последних десятилетий Первой республики были памятны чеканной формулировкой местного политического языка, благополучно заимствованной и подхваченной советскими масс-медиа. Согласно

ей, как постоянно и обоснованно утверждалось, ось политической жизни страны смещалась влево. Когда же Италия, преодолев свои смутные времена начала 1990-х гг., вышла из них с обновленной и переформатированной партийно-политической системой, то новую политическую ситуацию стало уместным характеризовать уже иной, перефразированной и прямо противоположной формулировкой. Она могла бы звучать следующим образом: произошло смещение оси политической жизни страны вправо. Причем констатация этого непреложного факта справедлива вне зависимости от того, какая из политических сил находилась или находится у власти на данный момент. Ибо в многолетней битве идей за культурную гегемонию победу одержали именно правые.

Однако дело даже не в том, что, согласно демократической логике чередования у власти, на сегодняшний день у ее кормила оказались именно правые, чуждые идее социального равенства. От нее, предполагавшей жесткое целеполагание в виде совершенного общественного устройства, давно уже отступились и те же левые, некогда ее ревностные сторонники. Истинная проблема более общего порядка заключалась в ином. Весь уклад Второй республики, густо замешанный на популистских утопиях, предопределил стремительное ухудшение качества политического класса. От него не приходилось ожидать сколько-нибудь прорывных решений по части преодоления социальных, а тем более межрегиональных неравенств. Эти ожидания представляются заведомо напрасными, если принять во внимание, что среди депутатов нынешнего созыва итальянского парламента имеется менее 70% обладателей университетского диплома. На заре Первой республики, в первые послевоенные десятилетия таковых насчитывалось 91,4%. При том что тогда только 1% итальянцев имел высшее образование против 20% имеющих его на сегодняшний день. Обделена университетским дипломом, кстати, и сама Джорджа Мелони, первая в истории республиканской Италии женщина – председатель совета министров, нынешний лидер правых. Все это служит показателем более чем скудной компетентности политической элиты нового призыва. Это стало следствием резкого снижения качества итальянской демократии, которая в годы Второй республики пережила несколько волн популизма, подмявших под себя и правых, и левых. Политические партии, хотя и сохраняющие свои бренды, каждый с признаками некой оригинальной идеологической платформы, на глазах вырождаются в персоналистские группировки. Таковыми они были по принципу своей организации в позапрошлом веке, в первые десятилетия после объединения страны. Столь же катастрофическим выглядит падение роли парламента, признанного символа итальянской демократии. В наши дни он низведен до уровня придатка правительства, то есть института, обреченного всего лишь проштамповывать решения последнего.

Следствием этой пессимистической картины современной итальянской политической жизни стал взрывной рост показателя абсентеизма, свидетельствующий об утрате за последние полтора десятилетия 8,5 млн голосов избирателей. На парламентских выборах 2022 г. абсентеисты в количестве 36,1% составили едва ли не целую

«протестную» партию. Наиболее впечатляющим образом феномен абсентеизма проявил себя в южных регионах Италии. Число пришедших на избирательные участки оказалось почти вдвое меньше прежнего (с 16,2 до 8,5 млн). В частности, в Кампании проголосовали 53,2% избирателей, в Неаполе, в городском районе Фуоригротта это число снизилось с 62 до 49%. В Калабрии оно не достигло и 51% (в провинциях Кротоне – 45,9%, в Реджо Калабрии – 48,9%). Особенно катастрофичным падение электорального участия стало в таких коммунах провинции Реджо Калабрия, как Африко (явка к избирательным урнам была зафиксирована на уровне 32,1%), Плати (31,3%), Сан Лука (21,5%).

Куда большей партия абсентеистов оказалась на выборах в Европейский парламент в июне 2024 г. Тогда численность итальянцев, не явившихся к избирательным урнам, достигла 25 млн. И снова главным поставщиком кадров для этой партии абсентеистов стали южные регионы и островная Италия. Цифра – более чем впечатляющая, хотя отчасти объяснимая малой популярностью европейских выборов для итальянского избирателя.

Это разительное явление абсентеизма наблюдается в тех регионах, где весьма сильны позиции альтернативной системы власти, представленной организованной преступностью.

Может быть, в меньшей степени электоральный процесс поражен вирусом абсентеизма на региональном уровне. То есть там, где, по самому своему определению, политика должна быть максимально приближена к рядовым гражданам. Правда, 18–30-летние итальянцы, по данным исследования, проведенного в 2018–2019 гг. Институтом политических, экономических и социальных исследований, департаментом экономических наук Болонского университета и департаментом Корис Римского университета “Сапиенца”, не слишком охотно отождествляют себя с жителями собственного региона или более мелких административно-территориальных образований, то есть с малой родиной. Таковых набралось всего 6,9% (в России аналогичный показатель местного патриотизма в той же возрастной группе, по результатам исследования ФНИСЦ РАН, оказался существенно выше и составил 11,3%).

Тем не менее в оценках возможностей влияния на деятельность властей в регионах преобладают с разной степенью убежденности оптимистические мнения. Их разделяют 57,7% молодых итальянцев против 42,3% придерживающихся противоположной оценки (в России дело обстоит иначе: оптимистически настроены на данный счет 32,6 против 67,3%). В региональных выборах в Италии у избирательных урн отмечено присутствие 67,6% молодых граждан, имеющих право голоса (в России их существенно меньше – 46,3%) [7, с. 305]. В эффективность этой формы политического участия склонны верить 74,5% итальянцев и 23,9% россиян [35]. В случае возникновения трудных жизненных ситуаций на помощь со стороны местных властей рассчитывают и готовы к ним обратиться, согласно данным на 2018 г., 8% итальянцев и 7% россиян (спустя год, это соотношение изменилось, составив 19,8 к 10,5%).

Впрочем, не один абсентеизм при всем его негативном воздействии особенно на общенациональном уровне внес свой вклад в усугубление межрегиональных неравенств. Некогда почитавшаяся преодоленной дуалистическая структура итальянского общества, как показали результаты тех же парламентских выборов 2022 г., воспроизвела себя в полной мере. Север и Центр предстали как электоральная вотчина правоцентристской Лиги, а Юг – Движения 5 звезд. Столь специфичное электоральное поведение итальянцев, обостряющее межрегиональные неравенства, уже в который раз отразило логику глобальной взаимозависимости мира. В частности, Италия, едва преодолев, и то только отчасти, последствия кризиса 2008 г., а затем пандемии Covid-19, вынуждена противостоять резкому ухудшению международной экономической конъюнктуры, вызванному началом специальной военной операции на Украине. Так, уже первая половина 2022 г. привела к невиданному удорожанию сырья, стоимости энергоносителей, резкому взлету инфляции, снижению уровня потребления. Меры нынешнего правительства правых несостоятельны по части преодоления кризиса, о чем свидетельствует его политика в решении южного вопроса, ставшего извечным символом итальянских межрегиональных неравенств. Юг с его молодежной безработицей, реальной угрозой новой волны эмиграции – оттока наиболее активной части населения в более богатые регионы, а то и за границу, оказался словно бы отброшенным в прошлый, если не в позапрошлый век. Концепция решения южного вопроса сводится в настоящее время к уже скомпрометировавшим себя в прошлом сугубо бюрократическим мерам, сулящим новое обострение региональных неравенств [39; 40; 41].

К выводам

Компаративная регионалистика в той ее части, которая рассматривает Италию и Россию в их региональном измерении, имеет в отечественном общественном сознании более чем полувековую исследовательскую традицию. Применение сравнительного метода в данном исследовании позволило в первом приближении сформировать целостную картину вариативности, то есть единства и сходства региональных особенностей, в частности, межрегиональных неравенств, каждой из двух стран. Долгое время в концептуальных подходах советской, российской итальянистики сравнительный метод, особенно в области региональных исследований, применялся несколько односторонне. Приоритетный характер имели, как правило, контрастные сравнения. Это имело свои веские основания в силу видимых и очевидных различий между двумя странами – по их географическому положению, мировому статусу, принадлежности к разным культурным средам и цивилизационным ареалам.

Во времена холодной войны контрастность этих сравнений находила свое веское оправдание еще и в идеологическом противостоянии двух общественных систем социализма и капитализма. Особенности регионального развития в Италии с его архаично-реликтовыми формами социально-

сти были призваны, исходя из идеологических соображений, послужить доказательством преимуществ социализма перед капитализмом. С точки зрения этих преимуществ в «реально-социалистическом мире» по определению исключалась возможность существования одиозных форм неравенства, в том числе и межрегионального, примеры которого давала Италия. Вместе с тем осмысление длительного опыта развития Италии в режиме догоняющего развития имело своей скрытой и подспудной целью его проекцию на советскую действительность. Где свои проблемы преодоления отсталости, межрегиональных неравенств были ничуть не менее, а то и более актуальны, чем в Италии. В данном отношении это была возможность мониторинга на примере Италии факторов риска, значимых за ее пределами, в том числе и в «реально-социалистическом» мире.

Исторический пример Италии также значим длительным периодом сильного влияния ценностей левой политической субкультуры, служившей идейным источником организационных структур оппозиции, как и весьма ценным и поучительным в своей противоречивости опытом отношений центра и регионов. Того опыта, который изобиловал компромиссами, пусть на ограниченный срок, но обеспечивал общественную стабильность. Однако в то же время эта компромиссность отношений вела к консервации архаично-реликтовых форм социальности, для которых социальные неравенства возводились в разряд неоспоримой нормы.

Библиографический список

1. Баранов А. В. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии // Человек, общество, управление. 2015. № 16(1). С. 78–90. EDN: TWTLPD.
2. Вялков Ю. А. Лига Севера и ее планы регионального переустройства Италии // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / Под общ. ред. В. Я. Швейцера. М.: Огни ТД, 2006. С. 73–87.
3. Вялков Ю. А. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX века) // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 24–36. EDN: ICCCFZ.
4. Галкина Т. А. Италия постиндустриальная // География мирового развития: сборник научных трудов: К 90-летию Института географии РАН / Под ред. Л. М. Синцера. М.: ИГ РАН, 2009. Вып. I. С. 565–581. EDN: YSWKGJ.
5. Гоффе Н. В. Италия: проблема Юга и региональная политика (1950–1980). М.: Наука, 1983. 128 с.
6. Гоффе Н. В. Юг и проблемы меридионализации Италии // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. М.: НИИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, 2014. Т. 2. С. 206–213. EDN: TEXIAP.

7. Дорошина А. В. Политическая активность молодежи России в сравнении с активностью молодежи Польши, Германии и Италии // Социологический нарратив 2020. Общество в эпоху турбулентности: поиски, угрозы и перспективы / Под общ. ред. Р. И. Анисимова. М.: РГГУ, 2020. С. 302–307. EDN: TMRDBT.

8. Коломиец В. К. Концептуализация развития: современные подходы // История и современность. 2019. № 3(33). С. 49–62. DOI: 10.30884/iis/2019.03.03; EDN: VLZMWN.

9. Коломиец В. К. Италия: пример форсированного догоняющего развития пространственной социальной реальности // История и современность. 2020. № 2(36). С. 29–45. DOI: 10.30884/iis/2020.02.02; EDN: PRLEYZ.

10. Коломиец В. К. Регионы России – регионы Италии: традиции и перспективы сравнительного исследования // Межцивилизационные взаимодействия и перспективы развития человеческого потенциала России и Монголии. К 100-летию дипломатических отношений. Сб. ст. / Отв. ред. А. С. Железняков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 197–201. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-386-7.2021.26; EDN: WMBLRY.

11. Коломиец В. К. Россия и Италия: тренды исторического развития XX – начала XXI в. как взаимодействие пространственно-интегрированных социальных реальностей // История и современность. 2021. № 3(41). С. 54–84. DOI: 10.30884/iis/2021.03.02; EDN: LERRLT.

12. Коломиец В. К. Италия и Россия: региональное измерение пространственных социальных реальностей // История и современность. 2022. № 3(45). С. 23–34. DOI: 10.30884/iis/2022.03.02.; EDN: TLCCYF.

13. Колосов В. А. Актуальность и основные направления изучения фантомных границ // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / Под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой, Ц. Мадры. Курск: КГУ, 2017. С. 256–267. EDN: WVEGZX.

14. Колосов В. А. Фантомные границы на постсоветском пространстве // Российское пограничье: вызовы соседства / Ред. В. А. Колосов. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. С. 183–199. EDN: ZCIDXW.

15. Кондричин С. В. Дифференциация социального пространства России и Италии: историческая обусловленность явления // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 73–83. EDN: PFCFLV.

16. Кондричин С. В. Дифференциация социального пространства России и Италии: историческая обусловленность явления // Клио. 2008. № 2(41). С. 108–113. EDN: JUJUDD.

17. Лисовский Ю. П. Сельское хозяйство и крестьянское движение в современной Италии. М.: Наука, 1966. 256 с.

18. Лисовский Ю. П. Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. Опыт экономико-социологического исследования. М.: Наука, 1979. 376 с.

19. Лисовский Ю. П. Италия: от фашизма к демократии. Трудные пути послевоенной перестройки. М.: Наука, 1990. 286 с.

20. Лисовский Ю. П. Социокультурные предпосылки модернизации. (Послевоенная Италия) // Полис. Политические исследования. 1992. № 6. С. 167–175.
21. Пантин В. И. Основные факторы неравномерного развития российских регионов // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 219–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFWS.
22. Попов Д. И. Италия во второй половине XIX – начале XX в.: на пути к регионализованному государству // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2017. № 4(16). С. 13–21. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.13-21; EDN: YLUIVA.
23. Русаков Н. П. Из истории сицилийской мафии. М.: Наука, 1969. 179 с.
24. Сигачев М. И. Между регионализмом и панитальянским национализмом: правый популизм Лиги Севера // История и современность. 2020. № 3(37). С. 42–62. DOI: 10.30884/iis/2020.03.03; EDN: VBUEZW.
25. Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. Эволюция массового социально-политического сознания трудящихся в 1945 – 1985 гг. М.: Наука, 1989. 256 с. EDN: SJXBFX.
26. Яхимович Э. П. Лига Севера: автономисты или сепаратисты? // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / Под общ. ред. В. Я. Швейцера. М.: Огни ТД, 2006. С. 88–97.
27. Bellè E. From Territory to Community. Inside the «Black Box» of the Lega Nord’s Populism // Etnografia e ricerca qualitativa. 2015. No. 1. P. 89–110. DOI: 10.3240/79642.
28. Jamieson A. The Antimafia. Italy’s Fight against Organized Crime. London: Macmillan Press LMD, 2000. XXII, 258 p. DOI: 10.1057/9780333983423.
29. Bin R. Il filo rosso della dialettica tra unità e autonomia: ieri, oggi, domani // Le Regioni. 2021. No. 49(1-2). P. 41–55. DOI: 10.1443/101361.
30. Camerlengo Q. Unità e autonomia: una questione di indirizzo politico // Le Regioni. 2021. No. 49(1-2). P. 57–69. DOI: 10.1443/101362.
31. Cardano M., Panzarasa M. Mafia, fra biografia, storia e politica // Rassegna Italiana di Sociologia. 2018. No. 1. P. 171–184. DOI: 10.1423/89780.
32. Degl’Innocenti M. L’avvento della Regione 1970 – 1975. Problemi e materiali. Manduria; Bari; Roma: Piero Lacaita Editore, 2004. 364 p.
33. Della Morte M., Gliatta M. A. La Strategia per lo Sviluppo delle Aree Interne e la sua implementazione in Molise e in Abruzzo // Le Regioni. 2017. No. 6. P. 1270–1277. DOI: 10.1443/91374.
34. Donolo C. Questione meridionale // Parolechiave. 2015. No. 2(54). P. 5–20. DOI: 10.7377/82304.
35. EURISPES: Rapporto Italia 2020. URL: <https://www.eurispes.eu/ricerca-rapporto/rapporto-italia-2020/> (дата обращения: 12.03.2024).

36. Giannola A. Dalla dipendenza alla interdipendenza Nord – Sud: una nuova stagione per la ripresa dello sviluppo // *Rivista economica del Mezzogiorno*. 2017. No. 4. P. 843–856. DOI: 10.1432/90197.

37. Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria; Bari; Roma, Piero Lacaita Editore, 2007. 280 p. EDN: QORFRZ.

38. Lupo S. La mafia. Centosessant'anni di storia. Tra Sicilia e America. Roma: Donzelli, 2018. 416 p.

39. Mastropaolo A. La questione meridionale è una questione politica // *Parolechiave*. 2015. No. 2(54). P. 43–56. DOI: 10.7377/82307.

40. Miotti D. Zone Economiche Speciali per accelerare i processi di sviluppo delle Regioni del Sud appartenenti all'area della convergenza e non solo di quelle // *Rivista giuridica del Mezzogiorno*. 2017. No. 4. P. 1001–1024. DOI: 10.1444/88904.

41. Santillo M., Marino A. La questione delle disuguaglianze e dei divari socio-economici nella storia italiana dalla fase post-unitaria alla fine dell'intervento straordinario // *Rivista giuridica del Mezzogiorno*. 2021. No. 2–3. P. 469–485. DOI: 10.1444/100992.

Получено редакцией: 10.05.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коломиец Вячеслав Константинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8

The North-South Problem: On the Possibilities of Comparing Interregional Inequalities in Italy and Russia

Vyacheslav K. Kolomiecz

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

v_kolomiez@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1267-8455

For citation: Kolomiecz V. K. The North-South problem: on the possibilities of comparing interregional inequalities in Italy and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 135–155. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8; EDN: JGZXEW.

Abstract. The article examines the possibilities and scientific prospects of comparative studies of interregional differences and inequalities in Russia and Italy. These countries, located at a considerable distance, belonging to different geographical zones, cultural environments and civilisational areas, differ significantly in their global status. Despite the self-evident nature of these differences, they have long been perceived in both the Russian and Italian research traditions as countries subject to comparison. They act for each other – and to a large extent because of the same differences – as a conceptual resource, an element of the external environment and external surroundings, a source and factor of development. This comparability has its regional dimension. It extends to the field of research on interregional inequalities and contradictions, examining the dialectic of “center – regions” and forming a special comparative direction in terms of research methodology. This study is an excursion into the field of historical, socio-logical and political regional studies. The author evaluates the achievements and results obtained by domestic and

Italian authors, as well as the prospects for scientific developments in this area. Interregional inequalities, inevitable for Italy, which was among the countries that “came second”, given their relatively late introduction to the technogenic civilisation, have acquired the meaning and significance of a national problem. Almost from the moment of the emergence of a single Italian state, it has been known as the southern question. The North-South dichotomy in Italy is the embodiment of regional differences, disproportions, and contradictions. It reflected the conflict between the unification of traditionalist social structures and the need to preserve their diversity. This dichotomy remarkably seemed to anticipate the formula of the same name of modern times, which denotes the division and split of the modern global world into rich northern and poor southern countries. In conceptual schemes of variability, that is, on the one hand, unity and similarity, and on the other, differences between Russia and Italy, including in the field of comparative regional studies, contrasting comparisons, which were more or less rightfully attributed a constant character, have long prevailed. This established picture of variability has undergone significant modifications in the process of erosion of political subcultures of both the left and right persuasion, secularisation and rationalisation of public consciousness. The author concludes that the example of Italy shows how archaic social practices can be combined with modern technologies, and this can give rise to very bizarre social collisions.

Keywords: Russia, Italy, comparative regionalism, regional inequalities, unification, diversity, contrast comparisons, variability, constant inequalities

References

1. Baranov A. V. Separatism in contemporary Italy: factors of development, institutionalization, political strategies. *Chelovek, soobshество, upravlenie*, 2015: 1(16): 78–90 (in Russ.). EDN: TWTLPD.
2. Vyalkov Y. A. Liga Severa i ee plany` regionalnogo pereustrojstva Italii [The Northern League and plans of regional reconstruction of Italy]. *Mezhdru separatizmom i avtonomiej. Regionalnye i etnicheskie partii v evropejskoj politike* [In Between separatism and autonomy. Regional and ethnic political parties in the European politics]. Ed. by V. Ya. Shvejcz. Moscow, Ogni TD, 2006: 73–87 (in Russ.).
3. Vyalkov Yu. A. Problema regionalnogo nacionalizma v Italii (poslednyaya chetvert` XX veka) [A problem of the regional nationalism in Italy (the last quarter of the XX century)]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2007: 6: 24–36 (in Russ.). EDN: ICCCFZ.
4. Galkina T. A. Italiya postindustrialnaya [The post-industrial Italy]. *Geografiya mirovogo razvitiya: sbornik nauchny`x trudov: K 90-letiyu Instituta geografii RAN* [In The geography of world development. Collection of scientific papers. For the 90th anniversary of the Institute of geography of RAS]. Iss. I. Ed. by L. M. Sinczerov, 2009: 565–581 (in Russ.). EDN: YSWKGJ.
5. Goffe N. V. Italiya: problema Yuga i regional`naya politika (1950 – 1980) [Italy: the problem of the South and regional policy (1950 – 1980).] Moscow, Nauka, 1983: 128 (in Russ.).
6. Goffe N. V. The South and the problems of the meridionalization of Italy. In *A global world. Emerging models of national and regional development*. Vol. 2. Moscow, IMEMO RAN, 2014: 206–213 (in Russ.). EDN: TEXIAP.
7. Doroshina A. V. The political activity of the youth of Russia in comparison with the activity of the youth of Poland, Germany and Italy. In *The sociological narrative 2020. Society in the era of turbulence: searches, threats and prospects*. Ed. By R. I. Anisimov. Moscow, RGGU, 2020: 302–307 (in Russ.). EDN: TMRDBT.
8. Kolomiets V. K. The conceptualization of development: current approaches. *Istoriya i sovremennost`*, 2019: 3(33): 49–62 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2019.03.03; EDN: VLZMWN.
9. Kolomiets V. K. Italy: an example of forced catch-up development of spatial social reality. *Istoriya i sovremennost`*, 2020: 2(36): 29–45 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2020.02.02; EDN: PRLEYZ.
10. Kolomiecz V. K. Regions of Russia – regions of Italy: traditions and prospects of comparative research. In *Intercivilizational interactions and prospects for the development of human potential of Russia and Mongolia. On the occasion of the 100th anniversary of diplomatic relations*. Coll. of art. Ed. by A. S. Zheleznyakov. Moscow, FNIS RAN, 2021: 197–201 (in Russ.). DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-386-7.2021.26; EDN: WMBLRY.
11. Kolomiets V. K. Russia and Italy: trends of historical development of the 20th – the beginning of the 21st centuries of interaction of spatially integrated social realities. *Istoriya i sovremennost`*, 2021: 3(41): 54–84 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2021.03.02; EDN: LERRLT.
12. Kolomiyets V. K. Italy vs Russia: the regional dimension of spatial social realities. *Istoriya i sovremennost`*, 2022: 3(45): 23–34 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2022.03.02; EDN: TLCCYF.

13. Kolosov V. A. Relevance and main directions of the study of phantom boundaries. In Strategy for the development of border territories: traditions and innovations. Ed. by L. B. Vardomskij, L. I. Popkova, C. Mađry. Kursk, KGU, 2017: 256–267 (in Russ.). EDN: WVEGZX.
14. Kolosov V. A. Phantom borders in the post-Soviet space. In Russian borderlands: challenges of neighbourhood. Ed by V. Kolosov. Moscow, IP Matushkina I. I., 2018: 183–199 (in Russ.). EDN: ZCIDXW.
15. Kondrichin S. V. Differenciaciya socialnogo prostranstva Rossii i Italii: istoricheskaya obuslovlennost` yavleniya [Differentiation of social spaces in Russia and Italy: historical conditionality]. *Socziologicheskij zhurnal*, 2008: 1: 73–83 (in Russ.). EDN: PFCFLV.
16. Kondrichin S. V. Differenciaciya socialnogo prostranstva Rossii i Italii: istoricheskaya obuslovlennost` yavleniya [Differentiation of social spaces in Russia and Italy: historical conditionality]. *Clio*, 2008: 2(41): 108–113 (in Russ.). EDN: JUJUDD.
17. Lisovskij Yu. P. Sel'skoe khozyajstvo i krestyanskoe dvizhenie v sovremennoj Italii [Agriculture and the peasant movement in modern Italy]. Moscow, Nauka, 1966: 256 (in Russ.).
18. Lisovskij Yu. P. Yuzhnyj vopros i soczialnye konflikty v sovremennoj Italii. Opyt ekonomiko-socziologicheskogo issledovaniya [The Southern question and social conflicts in Italy. The experience of economic and sociological research]. Moscow, Nauka, 1979: 376 (in Russ.).
19. Lisovskij Yu. P. Italiya: ot fashizma k demokratii. Trudnye puti poslevoennoj perestrojki [Italy: from fascism to democracy. The difficult ways of post-war perestroika]. Moscow, Nauka, 1990: 286 (in Russ.).
20. Lisovskij Yu. P. Sociokul'turny'e predposylki modernizacii. (Poslevoennaya Italiya) [Sociocultural prerequisites of modernization. (Post-war Italy)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1992: 6: 167–175 (in Russ.).
21. Pantin V. I. Main factors of uneven development among Russian regions. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 4: 219–233 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFW5.
22. Popov D. I. Italy on the way to the regionalized state: the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century. *Vestnik Omskogo un-ta. Ser. Istoricheskie nauki*, 2017: 4(16): 13–21 (in Russ.). DOI: 10.25513/2312-1300.2023.4.13-21; EDN: YLUIVA.
23. Rusakov N. P. Iz istorii sizilijskoj mafii [From the history of the Sicilian Mafia]. Moscow, Nauka, 1969: 179 (in Russ.).
24. Sigachov M. I. Between regionalism and pan-Italian nationalism: the right-wing populism of the Lega Nord. *Istoriya i sovremennost'*, 2020: 3: 42–62 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2020.03.03; EDN: VBUEZW.
25. Kholodkovskij K. G. Italiya: massy i politika. Evolyucziya soczialno-politicheskogo soznaniya trudyashchih v 1945 – 1985 gg. [Italy: the masses and politics. The evolution of the socio-political consciousness of workers in 1945 – 1985.] Moscow, Nauka, 1989: 256 (in Russ.). EDN: SJXBFX.
26. Yahimovich Z. P. Liga Severa: avtonomisty ili separatisty? [League of the North: autonomists or separatists?]. *Mezhdru separatizmom i avtonomiej. Regionalnye i etnicheskie partii v evropejskoj politike* [Between separatism and autonomy. Regional and ethnic political parties in the European politics]. Ed by V. Ya. Shvejczher. Moscow, Ogni TD, 2006: 88–97 (in Russ.).
27. Bellè E. From territory to community. Inside the “Black Box” of the Lega Nord’s populism. *Etnografia e ricerca qualitativa*, 2015: 1: 89–110. DOI: 10.3240/79642.
28. Jamieson A. The Antimafia. The Italy’s fight against organized crime. London, Macmillan Press LMT, 2000: XXII-258. DOI: 10.1057/9780333983423.
29. Bin R. The red thread of the dialectic between unity and autonomy: yesterday, today, tomorrow. *Le Regioni*, 2021: 49(1-2): 41–55 (in Ital.). DOI: 10.1443/101361.
30. Camerlengo Q. Unity and selfgovernment: a matter of political direction. *Le Regioni*, 2021: 49(1-2): 57–69 (in Ital.). DOI: 10.1443/101362.
31. Cardano M., Panzarasa M. Mafia, fra biografia, storia e politica. *Rassegna Italiana di Sociologia*, 2018: 1: 171–184 (in Ital.). DOI: 10.1423/89780.
32. Degl’Innocenti M. L’avvento della Regione 1970 – 1975. Manduria – Bari – Roma, Piero Lacaita Editore, 2004: 364 (in Ital.).
33. Della Morte M., Giatta M. A. La Strategia per lo sviluppo delle Aree Interne e la sua implementazione in Molise e in Abruzzo. *Le Regioni*, 2017: 6: 1270–1277 (in Ital.). DOI: 10.1443/91374.

34. Donolo C. Southern question. *Parolechiave*, 2015: 2(54): 5–20 (in Ital.). DOI: 10.7377/82304.
35. EURISPES. Rapporto Italia 2020. Accessed 12.03.2024. URL: <https://www.eurispes.eu/ricerca-rapporto/rapporto-italia-2020/> (in Ital.).
36. Giannola A. Dalla dipendenza alla interdipendenza Nord – Sud: una nuova stagione per la ripresa dello sviluppo. *Rivista economica del Mezzogiorno*, 2017: 4: 843–856 (in Ital.). DOI: 10.1432/90197.
37. Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria – Bari – Roma, Piero Lacaita Editore, 2007: 280 (in Ital.). EDN: QORFRZ.
38. Lupo S. La mafia. Centosessant'anni di storia. Tra Sicilia e America. Roma, Donzelli, 2018: 416 (in Ital.).
39. Mastropaolo A. The Southern question is a political question. *Parolechiave*, 2015: 2(54): 43–56 (in Ital.). DOI: 10.7377/82307.
40. Miotti D. Zone Economiche Speciali per accelerare i processi di sviluppo delle Regioni del Sud appartenenti all'area della convergenza e non solo di quelle. *Rivista giuridica del Mezzogiorno*, 2017: 4: 1001–1024 (in Ital.). DOI: 10.1444/88904.
41. Santillo M., Marino A. La questione delle disuguaglianze e dei divari socio-economici nella storia italiana dalla fase post-unitaria alla fine dell'intervento straordinario. *Rivista giuridica del Mezzogiorno*, 2021: 2-3: 469–485 (in Ital.). DOI: 10.1444/100992.

The article was submitted on: May 10, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav K. Kolomiez, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center of Study the Regions of Russia